

RU

Ремифологизация в XX и XXI вв. и ее роль в осмыслении природы современного мифа (на материале новостных текстов англоязычных СМИ)

Кулигина Е. А.

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов ремифологизации в XX и XXI вв. и их влиянию на природу современного мифа как культурно-лингвистического феномена. Цель состоит в выявлении особенностей процессов ремифологизации в XX и XXI вв., в рамках которых происходила и происходит трансформация явления современного мифа. Ремифологизация влияет на мифологизацию общественного сознания, осмысление явления мифа, а также восприятие окружающей действительности, вербализированное в СМИ при помощи мифов. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в диахроническом плане представлены тенденции процесса ремифологизации в рассматриваемые периоды, описано влияние данных процессов на функционирование мифа в современном обществе и культуре, а также выявлены отличительные особенности ремифологизации в XX и XXI вв. Полученные результаты свидетельствуют о том, что современный миф, рожденный ремифологизацией XX в., сегодня перерождается и переживает переосмысление современного процесса ремифологизации, что подтверждает появление новых переосмысленных значений «старых» мифов. Приведенные в статье примеры мифологем, содержащихся в СМИ, демонстрируют переосмысленное в XXI в. вариативное наполнение мифа, выполняющего функцию интерпретатора событий для современного человека. Исследование выполнено на материале англоязычных медиатекстов.

EN

Remythologization in the 20th and the 21st century and its role in understanding the nature of modern myth (based on news texts in the English-language media)

Kuligina E. A.

Abstract. The paper studies the processes of remythologization in the 20th and the 21st century and their influence on the nature of modern myth as a cultural and linguistic phenomenon. The aim is to identify the features of the remythologization processes in the 20th and the 21st century, within which the transformation of the phenomenon of modern myth took place and is taking place. Remythologization affects the mythologization of public consciousness, the understanding of the phenomenon of myth, as well as the perception of the surrounding reality verbalized in the media through myths. The research is novel in that it is the first to consider the trends of the remythologization process during the specified periods in diachronic terms, to describe the influence of these processes on the functioning of myth in modern society and culture and to identify the distinctive features of remythologization in the 20th and the 21st century. The research findings indicate that modern myth, born of remythologization in the 20th century, is being reborn today and is undergoing rethinking regarding the modern process of remythologization, which confirms the emergence of new reinterpreted meanings of “old” myths. The paper provides the examples of mythologemes contained in the media that demonstrate the variable content of myth reinterpreted in the 21st century and performing the function of an interpreter of events for modern people. The work is based on English-language media texts.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена происходящими в XXI в. социально-политическими событиями в мире и обществе, находящими отражение в средствах массовой информации, являющихся создателями и распространителями современных мифов. Интерес к феномену мифа возродился в период первой

ремифологизации в XX в., когда миф был переосмыслен впервые относительно его изначального осмысления как легенды и выдумки. Сегодня происходит очередной подъем интереса к мифу – ремифологизация XXI в., что связано с массовизацией и мифологизацией общественного сознания. СМИ сегодня становятся основным средством конструирования мифа, что свидетельствует о трансформирующейся роли современного мифа и природе современной мифологии.

Миф является предметом исследования ученых на протяжении множества веков и рассматривается как сакральный текст, повествование, легенда, способ познания и объяснения явлений реальности – трудно спорить с тем, что миф является «древнейшей формой мышления» (Тахо-Годи, 2007, с. 28) и важнейшим феноменом культуры. Сегодня человек, как и прежде, испытывает потребность в объяснении явлений окружающей действительности, в чем ему по-прежнему помогает миф, оправдавший свой потенциал *средства осмысления и объяснения реальности*. Однако *современные мифы* вышли за границы сакрального текста и продолжают свое развитие в медиатекстах, переживая очередную трансформацию. Поэтому вопрос о значимости процесса ремифологизации для осмысления природы современного мифа как средства интерпретации реальности представляет существенный интерес для исследователей.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить и описать суть процессов ремифологизации XX и XXI вв.;
- выявить факторы, оказавшие влияние на явления демифологизации и ремифологизации;
- рассмотреть особенности процессов ремифологизации XX и XXI вв. и их влияние на трансформацию природы современного мифа;
- представить примеры переосмысленных мифов, вербализированных в современном англоязычном медиатексте.

Теоретической базой являются труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные рассмотрению феномена мифа и связанных с ним понятий в лингвистике, социологии и других науках (Леви-Стросс, 1999; Неклюдов, 2000; Мелетинский, 2001; Кара-Мурза, 2005; Кэмпбелл, 1997; Тахо-Годи, 2007; Фейерабенд, 2007; Барт, 2008; Драгалина-Черная, 2013; Клейменова, 2018), а также исследователей феномена глобализации, описываемого в данной работе (Rugman, 2000; Оглезнев, 2010; Иноземцев, 2008; O'Neil, 2022).

В качестве материала исследования были использованы современные тексты новостных статей на английском языке, опубликованные за период с 2007 г. по 2023 г.: Grimes W. The Rise of Globalization, a Story of Human Desires // The New York Times. 30.05.2007. <https://www.nytimes.com/2007/05/30/books/30grimes.html>; Foer F. The Goals of Globalization // Foreign Policy. 20.10.2009. <https://foreignpolicy.com/2009/10/20/the-goals-of-globalization/>; Stiglitz J. Globalisation fails to help the poorest // The Times. 19.02.2007. <https://www.thetimes.co.uk/article/globalisation-fails-to-help-the-poorest-qlcxkjw8csw>; Bayer A. Vladimir Putin: The Antithesis of a Success Story // The Globalist. 18.03.2015. <https://www.theglobalist.com/vladimir-putin-the-antithesis-of-a-success-story/>; Times Editorial Board. Why the U.S. needs to dance with the Russian bear in Syria // Los Angeles Times. 30.09.2015. <https://www.latimes.com/opinion/editorials/la-ed-syria-20150930-story.html>; Zukerman A. The Ukrainian Crisis: A Question of the World's Future // The Globalist. 27.03.2014. <https://www.theglobalist.com/the-ukrainian-crisis-a-question-of-the-worlds-future/>; Watt N. Nigel Farage accuses EU of 'poking Russian bear with stick' over Ukraine // The Guardian. 27.03.2014. <https://www.theguardian.com/politics/2014/mar/27/nigel-farage-eu-poking-russian-bear-ukip-syria>; Rodrik D. The great globalisation lie // Prospect. 12.12.2017. <https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/45478/the-great-globalisation-lie>.

В качестве справочного материала были задействованы следующие словари: Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече; АСТ, 2003; Britannica. <https://www.britannica.com/topic/Tar-Baby-African-American-folktale>.

Выбор методов исследования обусловлен целью и поставленными задачами. Основным методом исследования послужил метод корпусного анализа: отбор материала осуществлялся через корпус NOW (News on the Web. <https://www.english-corpora.org/now/>), представляющий собой коллекцию новостных текстов с 2010 г. по настоящее время, содержащую 18,3 миллиарда слов. Метод корпусного анализа позволяет провести выборку материала и анализ существенного объема текстов, проанализировать аспекты употребления языковых единиц. В рамках метода корпусного анализа использовались методы сплошной выборки и метод поиска лексических единиц по словоформам и словосочетаниям. Также в исследовании применялся описательно-аналитический метод, позволяющий описать материал, систематизировать языковые единицы и интерпретировать особенности их употребления. Кроме того, в работе был задействован метод контекстуального анализа, дающий возможность определить скрытые намерения и установки автора, а также коммуникативно-прагматический метод, позволяющий выявить, как организовано воздействие автора на реципиента текста, и прогнозировать эффективность коммуникации. Помимо этого, в работе применен лингвокультурологический анализ для выявления лингвокультурной специфики образов, формируемых в медиатекстах.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов работы в преподавании курсов по когнитивной и дискурсивной лингвистике, лингвокультурологии, медиалингвистике, политической лингвистике, лексикологии, стилистике.

Обсуждение и результаты

В процессе своего развития миф проходит различные стадии, включая демифологизацию – развенчание мифа и ремифологизацию – перерождение, переосмысление мифа, которые составляют этапы его жизни.

Как пишет Е. М. Мелетинский (2001, с. 5), *ремифологизация* – «возрождение мифа» – обычно приходит на смену *демифологизации* – развенчанию мифа, наступающего вследствие разочарования в господствующих идеях, что и произошло в начале XX в., когда общество разочаровалось в позитивистских ценностях и произошло крушение надежд на установление торжества науки над мифологией. Корни демифологизации просветительских ценностей и, как следствие, ремифологизации культуры можно найти еще в трудах французского философа Ж. Сореля, который в конце XIX в. ставил под сомнение установленное в эпоху Просвещения торжество разума над мифом и подчеркивал связь мифа с функционированием общества, а также его социальный потенциал как средства воздействия на сознание масс. Таким образом, современный мир стал свидетелем несостоятельности науки в объяснении явлений окружающей действительности и торжества мифа как когнитивного феномена, поскольку «суггестивная сила мира беспредельна», как утверждал Р. Барт (2008, с. 1). Идеи П. Фейерабенда о том, что «допустимо все» (2007, с. 7), подтверждают данную теорию и сближают науку и миф, доказывая обоснованность возвышения первой и даже определенное преобладание мифологического знания над научным, т. к. миф является запелляционным знанием, в отличие от научных теорий, постоянно подвергающихся критике. Происходят утверждение мифа и ремифологизация культуры XX в., который показал, что «не люди мыслят в мифах, а мифы мыслят в людях без их ведома» (Леви-Стросс, 1999, с. 20). Этому способствовал тот факт, что сфера бессознательного как структура человеческого мышления функционирует по законам символизма, что характерно для всех людей в различных культурах.

Ремифологизация XX в. произошла на фоне кризиса познания и роста потребности человека в обретении устойчивости в быстро меняющемся мире, выдвигала миф на первый план в различных областях знания и культуры. Трансформация понимания мифа в XX в. происходила под влиянием различных научных школ и направлений, получивших развитие в этот период:

1. С точки зрения **психологии** миф и его психологические аспекты исследовались З. Фрейдом, который утверждал, что мифы содержат символические предствления об универсальных человеческих желаниях и страхах, отражающие бессознательные аспекты человеческой психики. Эта интерпретация акцентировала символическую природу мифа (Фрейд, 2003, с. 58-64).

2. В **антропологии** идеи К. Леви-Стросса (1999) оказали влияние на формирование понимания мифа как культурного феномена: они подчеркивали роль мифа в обществе как системы символов и повествований, выполняющих социальные функции, такие как установление социального порядка, объяснение происхождения и укрепление культурных норм.

3. Также К. Леви-Стросс внес вклад в разработку понятия «миф» с точки зрения **структурализма**. Он проанализировал мифические повествования как сложные системы бинарных оппозиций, формирующих картину мира. Этот подход подчеркивал закономерности и взаимосвязи, лежащие в основе мифов, отходя от индивидуальных особенностей к раскрытию универсальных структур и мотивов (Леви-Стросс, 1999).

4. Новое осмысление мифа как повторяющегося культурного паттерна встречается в работах по сравнительной мифологии американского антрополога и философа Джозефа Кэмпбелла (1997), где на основании исследований З. Фрейда, К. Г. Юнга, Дж. Фрэзера, Р. Боаса автор формулирует *теорию мономифа*, основанную на идее общего сюжетного паттерна, выраженного в форме путешествия главного героя, состоящего из этапов – констант повествования: разделение, посвящение и возвращение (сепаративная стадия), лиминативная или конечная стадия. Кэмпбелл подчеркивал наличие универсальных сюжетов в различных мифологических традициях.

5. Постмодернизм и постструктурализм открыли деконструктивистскую перспективу на осмысление природы мифа и идею плюрализма его толкований в противовес идее о единственной интерпретации мифа. По мнению Р. Барта (2008, с. 20), мифы не являются фиксированными и статичными, а скорее открыты для множества интерпретаций под влиянием культурного и исторического контекста.

Таким образом, в XX в. понимание мифа вышло за пределы его традиционного религиозного и исторического контекста. Понятие мифа расширилось, включив в себя психологическую, антропологическую и структурную перспективы, а также признав его символические, культурные и субъективные аспекты. Главным достижением этого переосмысления можно считать то, что миф перестал быть фольклорным текстом и утвердился как *феномен культуры и форма познания*, обрел статус значимого культурного паттерна, находящего выражение в различных формах.

Исследования мифа в XXI в. в эпоху бурного развития цифровых технологий сосредотачиваются главным образом вокруг средств массовой коммуникации, в которых и которыми творится современный миф. Современная мифология порождается СМИ, молниеносно реагирующими на события и конструирующими их изображение под определенным углом, обеспечивая общедоступность мифа, его социальную интегрированность и формируя картину мира реципиента, находящегося в поисках ориентиров и объяснений происходящих событий. В этом прослеживается сходство современного мифа с древним, однако если в древности миф представлял собой средство объяснения непонятных физических явлений, таких как буря или засуха, то миф XXI в. – средство интерпретации социальных, культурных, политических событий реальности. Использование СМИ мифотворчества как эффективного средства манипуляции сознанием реципиента является отличительной чертой мифа XXI в. Мифотворчество становится средством манипуляции сознанием с помощью современных мифологов – лексических единиц, носителей мифа, содержащих в себе инвариантный образ и современное вариативное значение, с одной стороны, сохраняющих «традиционные свойства универсальных архетипов, а с другой стороны, отражающих специфику реалий сегодняшнего дня» (Клейменова, 2018, с. 94).

Современный миф, формируемый главным образом СМИ, приобретает потенциал средства манипулирования сознанием аудитории. При этом важно отметить высокую адаптивность современного мифа и плюрализм его трактовок, привнесенный постструктуралистами: в зависимости от меняющихся событий реальности, вариативность трактовок мифа становится безграничной. С. Ю. Неклюдов подчеркивает интегрированность современной мифологии в жизнь индивида: «...ею пронизана вся культурная, художественная и идеологическая практика, включая области, казалось бы, вполне позитивно-рациональные (относящиеся к политике, экономике, медицине и др.), но все же опирающиеся на определенные ценностные ориентиры и на метафоры обобщенных эмпирических наблюдений» (2000, с. 38). С. Кара-Мурза видит особую опасность в политических мифах, которые «неуязвимы» и «нечувствительны к рациональным аргументам», – они «действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» (2005, с. 206). Е. Г. Драгалина-Черная (2013, с. 91) отмечает «неистребимую креативность» и «циклический характер» современной мифологии. Таким образом, мифотворчество XXI в. обретает потенциал лингвокреативной деятельности, располагающей безграничными возможностями трактования и множественности интерпретации.

Обращаясь к вопросу о дифференциации ремифологизации XX в. и XXI в., можно увидеть, что разница заключается в культурном, социальном, технологическом и политическом контексте, который оказал непосредственное влияние на переосмысление понятия «миф». В XX в. исследователи из различных областей науки, таких как антропология, психология и сравнительная мифология, сыграли значительную роль в модификации данного понятия – они привнесли новые теоретические основы, сравнительный анализ и психологические интерпретации в исследование феномена мифа. Кроме того, бурно развивающиеся художественные и литературные течения XX в., такие как символизм, сюрреализм, авангард и другие, стремились бросить вызов традиционному мышлению и переосмыслить мифические элементы в своих произведениях, что также оказало определенное влияние на природу мифа. Они использовали мифы в качестве источника вдохновения, часто отходя от традиционных повествований, отражая современные проблемы в своем творчестве. Помимо этого, не стоит забывать об исторических и политических тенденциях XX в., которые воздействовали на ремифологизацию XX в. и переосмысление мифа. В XX в. человечество стало свидетелем множества значительных культурных и политических потрясений, включая две мировые войны, борьбу за деколонизацию, расцвет технологий, наступление глобализации, – все эти преобразования повлияли на переосмысление мифа и постановку под сомнение традиционных ориентиров в быстро меняющемся XX в. Важно отметить, что «возрожденный» в XX в. миф обретает свойство *дискретности*: «...современный миф дискретен. Он выражается не в длинных и неизменных нарративах, но в “дискурсах” – по большей части в фразеологии, наборе фраз... миф исчезает, но остается... мифическое» (Барт, 2000, с. 233-234). Эти тенденции будут прослеживаться в XXI в., когда миф выйдет за грани стандартного сюжета и станет фрагментарным, проникающим во все сферы культуры и жизнедеятельности человека средством социального воздействия и формирования мировоззрения индивида.

Ремифологизация XXI в. происходит на фоне значимых исторических событий, вследствие чего ей присущи следующие характеристики: 1) усиление тенденций XX в., таких как глобализация, информатизация общества, повсеместное проникновение мифа во все сферы культуры, – в этом проявляется сходство двух периодов ремифологизации: широкий исторический контекст обуславливает обращение человека к мифу; 2) появление новых мифов, переосмысление мифов, оформившихся в XX в. и находящих свои новые вариативные интерпретации в XXI в.; 3) изменение сути явления мифа: от способа объяснения физической реальности до способа интерпретации культурной и социальной действительности; 4) установление крепкой связи мифа со средствами массовой информации как главным источником порождения современных мифов. В целом ремифологизация XXI в. отличается от ремифологизации XX в. тем, что происходит на фоне бурного развития цифровых технологий, она отражает меняющуюся динамику современного мира через средства массовой информации, ставшие главным создателем и распространителем мифом в XXI в., а также самой природой мифа как способа интерпретации явлений современной действительности.

Быстро меняющиеся реалии заставляют общество переосмысливать мифы, которые до недавних пор казались основополагающими для многих культур и носящими стабильный и устойчивый характер. Обратимся к примерам переосмысления некоторых мифов в ходе ремифологизации XX и XXI вв.

Понятие ‘Globalization’ (глобализация) уходит корнями в историю и насчитывает несколько тысячелетий, однако в современном значении («интенсивная мировая торговля») оно впервые было употреблено К. Марксом в середине XIX в., а распространение получило в послевоенный период от лексемы ‘globalize’ (глобализировать), которая в первую очередь относилась к социально-экономической сфере (Иноземцев, 2008, с. 31-32). Получивший широкое распространение в XX в. термин «глобализация» изначально подразумевал всеобщую интеграцию в различных аспектах – обмене информацией, продуктами, знаниями, культурными ценностями, однако, как показывает история, очевидной оказалась невозможность равнозначного и равносильного задействования всех без исключения стран в данной интеграции (Оглезнев, 2010, с. 11). Вследствие этого акцент сместился на страны, открыто стремившиеся к усилению своего влияния, что оказало воздействие на развитие данной мифологемы как ментального конструкта и на появление дополнительных коннотаций у лексемы «глобализация». В частности, «Большой толковый словарь по культурологии» определяет глобализацию как «стремление к диктатуре США и Запада над остальными народами и культурами с целью их эксплуатации...» (Кононенко, 2003). Эта идея находит подтверждение в статье В. Л. Иноземцева о восприятии

современной глобализации: «И разве может быть иначе? Ведь под глобализацией, по сути, скрыт процесс замены прямого контроля над миром» (2008, с. 36).

Мифологема 'globalization' формируется в XXI в. на фоне смещения акцента в значении лексемы и приобретения ею отрицательной коннотации. Также стоит отметить, что несмотря на основательную изученность рассматриваемого понятия, все еще отсутствует общепринятое определение данного термина. Кроме того, научное сообщество задумалось над мифологической природой явления глобализации. Скептики А. Рагман, Ш. К. О'Нил, Д. В. Чернышков рассматривают глобализацию как миф, созданный транснациональными корпорациями, получивший развитие в средствах массовой информации. В частности, профессор и ведущий ученый в области международного бизнеса А. Рагман трактует глобализацию как «деятельность мультинациональных компаний, участвующих в прямом зарубежном инвестировании и развитии бизнес-сетей с целью создания стоимости поверх национальных границ» и прогнозирует «конец глобализма» (Rugman, 2000, p. 4). Старший научный сотрудник Совета по международным отношениям им. Нельсона и Дэвида Рокфеллеров по Латинской Америке Шеннон К. О'Нил в своей книге «Миф о глобализации: почему регионы имеют значение» рассматривает глобализацию как миф, утверждая, что реальность ближе к регионализации. По мнению автора, цепочки поставок и международное взаимодействие намного активнее между близко расположенными странами (O'Neil, 2022). Американско-турецкий экономист Дэни Родрик пишет о спаде глобализации в своем эссе «Великий обман глобализации» (Rodrik, 2017). Д. В. Чернышков (2012) определяет глобализацию как «мифологему общественного сознания», основываясь на проведенном социально-философском анализе. Таким образом, современная риторика, посвященная глобализации, демонстрирует изменившееся к ней отношение – от утверждения глобализации в начале XX в. до открытого скептицизма XXI в., тогда как вектор коннотативного значения сместился в сторону мифологического характера рассматриваемого явления.

Анализ современных медиатекстов позволяет увидеть, что коннотации языковой единицы 'globalisation' носят преимущественно негативный характер:

– *Globalization has a bad image problem. It is a conceptual tar baby to which every perceived ill in the world attaches: depressed commodity prices, Asian sweat shops, child labor, fast-food imperialism, American cultural hegemony, outsourcing and global warming* (Grimes, 2007). / У глобализации проблема с имиджем. Это концептуальные «зыбучие пески» (некая сложная проблема, только усугубляющаяся попытками ее решения), к которым притягиваются все предполагаемые беды в мире: низкие цены на сырье, азиатские потогонные предприятия, детский труд, империализм фастфуда, американская культурная гегемония, аутсорсинг и глобальное потепление (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. К.). В данном отрывке происходит актуализация концептуальной метафоры 'world problems are illnesses' (мировые проблемы – болезни), которая является достаточно распространенной в кризисном дискурсе. Автор метафорично сравнивает глобализацию с «паршивой овцой», «большим ребенком» или в более широком смысле с «зыбучими песками» или «трясиной», к которым притягиваются все «болезни» мира. Для создания образности используется выражение 'tar baby', восходящее к персонажу «Сказок дядюшки Римуса» Дж. Ч. Харриса – смоляной кукле, созданной для поимки Братца Кролика. Чем сильнее Братец Кролик бьет куклу, тем сильнее прилипает к ней. Посредством использования выражения 'tar baby' создается образ проблемной ситуации, которая только усугубляется.

В современном медиатексте подчеркивается двойственная природа явления 'globalisation': *Globalisation has been a double-edged sword* (The Times, 2007). / Глобализация оказалась палкой о двух концах. Мифологема 'globalisation' актуализируется посредством образа созидательной и одновременно разрушающей силы с помощью метафорической единицы 'double-edged sword'.

Рассмотрим также пример изменения коннотаций мифологемы 'Russian bear' (русский медведь) в современном англоязычном медиатексте. Образ медведя – одна из наиболее древних, но при этом распространенных вплоть до настоящего времени зооморфных метафор России в западной культуре. Она появилась более пятисот лет назад и к XVIII в. стала устойчивым образом России на мировой арене (Россомахин, Хрусталев, 2008). Данная метафора является мифологемой – сложным лингвокогнитивным феноменом, обладающим инвариантным значением, отсылающим к определенному образу, интерпретируемому реципиентом. Негативные черты изначально были неотъемлемой частью коннотации мифологемы 'Russian bear' – варварство, природная грубость, грязь и глупость (Dittmer, 2003). В XIX-XX вв. мифологема приобрела оттенок агрессии и опасности, отражающий политическую ситуацию того времени (Жаковска, 2011, с. 16). В XXI в. мифологема 'Russian bear' часто находит применение в политическом дискурсе и, в частности, в англоязычном медиатексте в силу емкости и понятности формируемого образа: *Why the U.S. needs to dance with the Russian bear in Syria* (Times Editorial Board, 2015). / Почему США нужно танцевать с русским медведем в Сирии. В данном отрывке используются две метафорические модели: «политика – это танец» и «Россия – медведь», последняя из которых имеет широкое распространение в англоязычном медиатексте при описании образа России. Образ медведя наделяется реципиентом определенными характеристиками, которые ассоциативно переносятся на образ России. Ассоциативное развертывание данной метафорической модели происходит на основании стереотипных представлений реципиента о диком животном – сильном и опасном:

– ...Germany, of course, is in the immediate proximity of the scary Russian Bear (Bayer, 2015). / Германия, конечно, находится в непосредственной близости от страшного Русского Медведя.

Взаимоотношения Запада с Россией всегда были в центре внимания журналистов. Образ отношений с Россией имеет негативную окраску и создается метафорой конфронтации с помощью лексемы 'to poke' (тыкать, дразнить):

– *If you **poke** the Russian bear with a stick he will respond...* (Watt, 2014). / *Если вы ткнете русского медведя палкой, он отреагирует.*

– *It now seems keen on **poking** the Russian bear – until the bear reacts and a new confrontation develops* (Zukerman, 2014). / *Теперь, похоже, он хочет ткнуть русского медведя – пока медведь не отреагирует и не разовьется новая конфронтация.*

Метафорическое описание взаимодействия с «русским медведем» актуализирует взаимоотношения других стран с Россией, которая, очевидно, может отреагировать агрессивным образом на какие-либо провокации. В целом мифологема ‘Russian bear’ является одной из наиболее распространенных мифологем в современном англоязычном медиатексте при формировании образа России, однако данный образ имеет преимущественно негативные коннотации.

Рассмотренные примеры демонстрируют, как культурные и политические мифологемы отражают социально-политическую динамику и ценности общества. Они иллюстрируют природу политической реальности, поскольку их коннотации имеют тесную связь с меняющимися обстоятельствами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Ремифологизация как процесс переосмысления явления мифа демонстрирует постоянную диалогичность культурных концепций как ответ на изменчивый социальный контекст сегодняшнего дня – в этом заключается суть процесса ремифологизации. Процесс ремифологизации носит циклический характер и сопровождает периоды исторического развития общества, порождая новые мифы и переосмысливая старые. В статье выявлены особенности процессов ремифологизации, в XX в. заключающиеся в тесной связи данного процесса с социальными, историческими и политическими реалиями. Кризис познания XX в. привел к ремифологизации XX в. – возрождению интереса к мифу и трансформации понимания данного явления: от трактовки мифа как фольклорного текста легенды к осознанию мифа как неотъемлемого элемента картины мира человека. Рожденные в XX в. мифы переживают в XXI в. очередную «волну ремифологизации», которая происходит вследствие информатизации и дигитализации всех сфер общественной жизни: мифы ежедневно творятся в медиатексте, СМИ выступают как главные их создатели и распространители, а мифотворчество становится средством манипуляции сознанием аудитории с помощью использования лексических единиц – носителей мифа – мифологем. Таким образом, на основании ремифологизации XX в., когда произошло возрождение мифа и его превращение из сакрального текста и средства объяснения явлений реальности в неотъемлемую часть культуры, происходит ремифологизация мифа в XXI в., когда была преобразована форма существования мифа и вместе с тем модифицированы его функции и механизмы функционирования. В итоге в XXI в. миф обрел свойство дискретности и стал средством интерпретации социальной и культурной реальности посредством мифологем, вербализированных в современных медиатекстах. Выводы, полученные в результате анализа современных мифологем, показывают, что в зависимости от исторического периода и социально-политической ситуации мифологема может приобретать или утрачивать свои коннотации и имплицировать новые значения, что продемонстрировано на примере мифологем ‘globalisation’ и ‘Russian bear’. Понятие ‘Globalisation’ развивалось из лексемы, обозначающей «интенсивную мировую торговлю», до современной мифологемы, актуализирующей идею о стремлении к господству развитых стран, дискуссии о котором ведутся в научном сообществе. Мифологема ‘Russian bear’, изначально актуализировавшая образ грубого, грязного и глупого медведя, сегодня имплицировывает коннотацию агрессии и опасности по отношению к Западу. Рассмотренные примеры демонстрируют еще одну особенность ремифологизации XXI в., заключающуюся в тесной связи со средствами массовой информации, выполняющими функцию создателей и популяризаторов мифологических образов. Ввиду того, что информатизация и дигитализация общества делают проникновение средств массовой информации, в которых и которыми формируются современные мифы, в жизнь современного человека повсеместным, данное исследование имеет широкое поле для дальнейших научных изысканий.

Перспективы дальнейшего исследования: мы рассмотрели две современные мифологемы, встречающиеся в англоязычном медиатексте. Проведенный анализ свидетельствует об актуальности данного направления исследования. В дальнейшем мы уделим внимание другим распространенным мифологемам и особенностям их использования в современном англоязычном медиатексте.

Источники | References

1. Барт Р. Миф сегодня. М.: Директ-Медиа, 2008.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
3. Драгалина-Черная Е. Г. Парадокс индоктринации в логике социального софтвера // РАЦИО.ru. 2013. № 11.
4. Жаковска М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX и XX вв. // Политическая лингвистика. 2011. № 1.
5. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. Вып. 1.
6. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.

7. Клейменова В. Ю. Миф о русском хакере в медийном дискурсе // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). 2018. № 27.
8. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. М.: Рефл-бук; АСТ; Ваклер, 1997.
9. Леви-Стросс К. Мифологии: в 4-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 1. Сырое и приготовленное.
10. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе: учеб. пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М., 2001.
11. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М.: АИРО-XX, 2000.
12. Оглезнев В. В. Глобализация и государство: анализ социальной онтологии. Томск: ЦНТИ, 2010.
13. Россомахин А., Хрусталева Д. Россия как Медведь: истоки визуализации (XVI-XVIII века) // Границы: альманах Центра этнических и национальных исследований ИВГУ. Иваново: ИВГУ, 2008. Вып. 2. Визуализация нации.
14. Тахо-Годи А. А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007.
15. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007.
16. Фрейд А. Взгляд на детство с точки зрения психоанализа // Фрейд А. Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2003.
17. Чернышков Д. В. Глобализация как мифологема общественного сознания: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. Барнаул, 2012.
18. Dittmer J. N. *European Re-Union: Representations of Eastern Europe in NATO and EU Expansion*. Tallahassee: Florida State University, 2003.
19. O'Neil Sh. *The Globalization Myth: Why Regions Matter*. New Haven: Yale University Press, Council on Foreign Relations, 2022.
20. Rugman A. *The End of Globalization. A New and Radical Analysis of Globalization and What It Means to Business*. L.: Random House Business Books, 2000.

Информация об авторах | Author information

Кулигина Екатерина Алексеевна¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Kuligina Ekaterina Alekseevna¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

¹ e.a.kuligina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.06.2023; опубликовано online (published online): 22.12.2023.

Ключевые слова (keywords): миф; мифологизация; ремифологизация; мифологема; интерпретация; myth; mythologization; remythologization; mythologeme; interpretation.